

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ второй. С.-Пб. 1905 г.

Недавно вышелъ второй томъ академическаго изданія произведеній Пушкина, первый томъ котораго появился весной 1899 г., въ дни столѣтняго юбилея рожденія Пушкина. И по своей широкой задачѣ—дать *настоящаго* Пушкина, съ точно-профвѣреннымъ текстомъ, установленной хронологіей, съ критическими и историческими примѣчаніями, и по тому, какъ эта задача выполнена, академическое изданіе заслуживаетъ особеннаго вниманія критики. Благодаря небрежному отношенію разныхъ спекулянтовъ-издателей, пушкинскій текстъ обратился въ нѣчто довольно далеко отстоящее отъ того, что дѣйствительно создано Пушкинымъ. Въ наше время, когда Пушкина стали изучать усердно и научно, выяснилась настоятельная необходимость въ строго-критическомъ, тщательномъ изданіи. Только одной академіи наукъ, съ ея широкимъ пониманіемъ задачи и съ ея богатыми средствами, по плечу такое изданіе. Первый томъ, вышедшій подъ редакцію покойнаго академика Л. Н. Майкова, былъ прекраснымъ началомъ этого дѣла; „работы по изданію сочиненій Пушкина“—говоритъ предисловіе къ второму тому — „въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ должны примкнуть къ тому, что сдѣлано покойнымъ Л. Н. Майковымъ, какъ въ силу того, что онѣ должны быть продолженіемъ уже начатаго изданія, такъ и потому, что онѣ не могутъ не воспользоваться нѣкоторыми основными приѣмами, установленными Майковымъ, данными, имъ выработанными и подготовленными“. Въ этомъ предисловіи къ второму тому, редактированному В. Е. Якушкинымъ, объяснены тѣ приѣмы, которыми пользовался продолжатель труда Л. Н. Майкова. „Основная задача академическаго изданія сочиненій Пушкина — полнота... Для разрѣшенія этой задачи настоящее изданіе должно воспользоваться всѣмъ печатнымъ пушкинскимъ текстомъ и всѣми доступными для него автографами поэта... Произведенія Пушкина печатаются въ общемъ хронологическомъ порядкѣ, но часть черновыхъ набросковъ, недоконченныхъ, недописанныхъ очерковъ, отрывковъ внесена въ соотвѣтствующія мѣста примѣчаній; кромѣ того, въ примѣчанія относятся иногда пьесы, которыя почему-либо не могутъ быть напечатаны въ цѣломъ вилѣ, или смыслъ и значеніе которыхъ требуетъ подробныхъ оговорокъ и т. п.; точно такъ же, по исключеніи изъ изданія значительнаго количества псевдо-пушкинскихъ произведеній, большею частью давно уже обличенныхъ, но время отъ времени все еще повторяющихся съ именемъ Пушкина, часть про-

изведеній, приписываемыхъ Пушкину, но принадлежность которыхъ великому поэту не вполне удостовѣрена, также относится въ примѣчанія... Всѣ бѣловыя, печатные варианты помѣщаются при самомъ текстѣ, подъ строкой, тогда какъ всѣ варианты черновыхъ рукописей печатаются въ примѣчаніяхъ, въ концѣ тома. Всякая черновая, насколько возможно, дается въ ея цѣломъ видѣ. Въ зависимости отъ характера черновой, отъ ея отношенія къ извѣстному бѣловому тексту, для полной передачи черновой употребляются различные способы: при большей близости между черновымъ и бѣловымъ текстомъ сравненіе между ними дѣлается стихъ за стихомъ, изъ черновой берутся стихи, заключающіе разночтенія, описываются особенности черновой редакціи даннаго стиха; при меньшей близости между черновымъ и бѣловымъ текстомъ черновой набросокъ приводится въ цѣломъ видѣ... Стремленіе по возможности исчерпать черновыя бумаги Пушкина, прочесть все зачеркнутое, все недописанное, стремленіе не только разобрать черновую, но до извѣстной степени анализировать ее, опредѣлить взаимныя отношенія между поправками, ихъ послѣдовательность, конечно, не всегда могло быть осуществляемо въ полной мѣрѣ: немало словъ, мѣстъ осталось неразобранными; не могутъ не встрѣчаться мѣста, неточно прочтенныя (особенно въ наиболѣе сложныхъ черновыхъ)... Правописаніе Пушкина воспроизводится въ сочиненіяхъ, напечатанныхъ при жизни поэта или издаваемыхъ по его подлинной рукописи; но въ тѣхъ случаяхъ, когда стихотвореніе было напечатано послѣ смерти Пушкина, и подлинная рукопись его неизвѣстна, стихотвореніе перепечатывается съ сохраненіемъ той орфографіи, какъ оно было напечатано первымъ издателемъ... Соблюдается не только правописаніе словъ, но и разстановка знаковъ, которая у Пушкина иногда очень оригинальна“.

Таковы основные принципы редакторскаго отношенія къ тексту, который представляетъ собою главную сторону изданія всякаго писателя и лучшую сторону настоящаго изданія. Въ прежнихъ изданіяхъ поэта текстъ до того искаженъ, что не только способенъ дать ложныя показанія для точныхъ требованій изслѣдователя языка, но даетъ подчасъ ложное представленіе о томъ, что въ дѣйствительности писалъ Пушкинъ. Въ результатъ нелегкой, но простой и механической работы провѣрки текста, провзведенной В. Е. Якушкинымъ, явился подлинный, истинный, неиспорченный пушкинскій текстъ. Въ лежащемъ передъ нами томѣ мы находимъ стихи 1818, 1819 и 1820 гг. и двѣ поэмы: „Русланъ и Людмила“ и „Кавказскій плѣнникъ“, съ

примѣчаніями; всего въ книгѣ XXII + 260 + 528 страницъ, in-4°. Всѣ эти произведенія, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, безъ всякой надобности огульно окрещены „лирическими“, хотя о „лиризмѣ“ многихъ изъ нихъ можно поспорить; да и какъ отдѣлить хотя бы въ „Русланѣ и Людмилѣ“ лирическое отъ эпического, не говоря уже о болѣе тонкихъ различіяхъ? Насколько важно изученіе пушкинскаго текста въ чисто-научномъ отношеніи, видно изъ словъ изслѣдователя-филолога, профессора Е. Θ. Будде, который въ своемъ „Опытѣ грамматики языка А. С. Пушкина“ (вып. I, С.-Пб., 1904 г., стр. X) замѣчаетъ, что приблизительно съ 1818 года, (съ котораго и начинается II томъ академическаго изданія), „языкъ Пушкина становится языкомъ, эманципированнымъ отъ элементовъ русской рѣчи «классиковъ»,“ и „Пушкинъ проникаетъ глубже и глубже въ лексику, морфологию и синтаксисъ русской народной рѣчи“.

Раскрывая разбираемую книгу, мы уже на первой страницѣ текста видимъ не то, что привыкли видать въ прежнихъ изданіяхъ, хотя бы въ недавно выпущенныхъ—А. С. Суворинымъ, подъ редакціей П. А. Ефремова, и фирмою „Просвѣщеніе“, подъ редакціей П. О. Морозова. „Неси въ чужой предѣль Пената“ („Другу отъ друга“, 1818 г.) не то, что: „неси въ чужой предѣль пената“, какъ передаютъ этотъ стихъ гг. Морозовъ и Ефремовъ. „Задунайскій Великанъ“, какъ называетъ Пушкинъ Румянцова („Воспоминаньемъ упоенный...“ 1819 г.), не передѣланъ въ великана съ строчной буквы, какъ въ названныхъ изданіяхъ. „Ты мыслишь обмануть Любовь“, писалъ Пушкинъ („Платоническая любовь“, 1819 г.); у гг. Морозова и Ефремова это олицетвореніе пропало благодаря невнимательному отношенію къ тексту: „ты мыслишь обмануть любовь“, передаютъ они. Равнымъ образомъ— „поклонникъ бранной Славы“, какъ писалъ Пушкинъ и передаетъ академическое изданіе („Мнѣ бой знакомъ...“, 1820 г.), одно, а „поклонникъ бранной славы“, по транскрипціи прежнихъ изданій,—другое. „Неслышитъ, ненапрасенъ“, пишетъ Пушкинъ въ „Русланѣ и Людмилѣ“; прежнимъ издателямъ почему-то было угодно раздѣлить эти слова: „не слышитъ“, „не напрасенъ“. „Подъемлетъ“ читаемъ мы въ двухъ мѣстахъ этой же поэмы (пѣснь I, стихъ 169; п. V, ст. 176); предыдущіе издатели почему-то это мѣсто всегда исправляли въ „подъемлетъ“. Благодаря такому благоговѣйному отношенію г. Якушкина къ тексту мы знакомимся съ пушкинскимъ произношеніемъ и правописаніемъ: „тма“, „щастье“, „алеи“, „мечъ“, „легкой“ не передѣланы г. Якушкинымъ въ „тъму“, „счастье“, „алеи“, „мечъ“,

„легкій“, какъ приходится читать въ другихъ изданіяхъ. Впрочемъ, можно указать только очень маленькіе недочеты въ отношеніи текста. Въ эпиграммѣ: „Холопъ вѣнчаннаго солдата...“ В. Е. Якушкинъ передаетъ второй стихъ такъ:

Благодари свою судьбу.

Источникомъ для г. Якушкина послужили сборникъ Н. П. Огарева „Русская потаенная литература XIX столѣтія“ (Лнд., 1861 г.) и какіе-то „многочисленные списки“; достовѣрность этого источника весьма сомнительна. Между тѣмъ, по показанію близкаго друга Пушкина, князя П. А. Вяземскаго, этотъ стихъ читается:

Благослови свою судьбу.

Пятый стихъ эпиграммы приписать Пушкину Вяземскій не рѣшился („Старина и Новизна“, т. VIII, М., 1904, стр. 36); г. Якушкинъ однако включилъ его въ свое изданіе. Пропуски словъ въ одѣ „Вольность“ (стр. 43) и „Noël“ (прим., 4—5) по современнымъ цензурнымъ условіямъ трудно оправдать. Несмотря на то, что „изъ изданія исключены псевдо-пушкинскія произведенія, большею частью давно уже обличенныя“, нѣсколько подозрительныхъ пьесъ попало во II-й томъ, и „обличить“ ихъ г. Якушкинъ не сумѣлъ. Такъ, благодаря очень сомнительному свидѣтельству Я. Н. Толстого, попала въ собраніе плохая, грубая эпиграмма на Н. И. Гнѣдича, вдобавокъ не подходящая совершенно къ тому, что мы знаемъ объ отношеніяхъ Пушкина и Гнѣдича:

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
 Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю;
 Я руку наложилъ,
 Погладить—занозилъ.

Нужно быть очень дурного мнѣнія о Пушкинѣ, чтобы приписывать ему такіе стихи. Г. Якушкинъ не сомнѣвается въ „точной передачѣ“ разсказа Толстого“ на томъ основаніи, что это четверостишіе, со ссылкой на Толстого, было напечатано при жизни послѣдняго. Какъ будто Толстой не могъ мистифицировать публику, какъ будто мало лжепушкинскихъ стиховъ, пущенныхъ въ ходъ мистификаторами, ходило въ свѣтъ при жизни самихъ мистификаторовъ! Двѣ эпиграммы на Н. М. Карамзина, впервые напечатанныя въ 1859 и 1866 гг.: „Въ его исторіи изящность, простота“... и „Послушайте, я вамъ скажу про старину...“, какъ это показано пишущимъ настояція строки

(„Былое“ 1906 г., іюнь, 155—156), тоже едва ли могутъ быть приписаны Пушкину; относительно первой эпиграммы этотъ вопросъ рѣшенъ положительно. Вообще, намъ кажется, слѣдовало бы принять за правило—при возникновеніи болѣе или менѣе основательныхъ сомнѣній въ принадлежности того или иного стихотворенія Пушкину (а на великаго поэта взвалили немало чужихъ грѣховъ)—совершенно отбрасывать подозрительную вещь и печатать ее либо въ сторонѣ отъ общаго текста, либо другимъ шрифтомъ, и притомъ съ указаніемъ, что по тѣмъ-то и тѣмъ-то соображеніямъ нельзя данную пьесу категорически признать произведеніемъ Пушкина, которому она только приписывается. Даже лучше ужъ отнять что-нибудь у Пушкина, который и такъ останется довольно богатъ, чѣмъ засорять его обильную сокровищницу „цѣнностями“ сомнительнаго достоинства, и въ погонѣ за „полнотою текста“ слѣдуетъ все-таки быть разборчивѣе. Г. Якушкину удалось добыть одну новинку; въ разбираемомъ томѣ она напечатана въ первый разъ. Это—шуточные стихи, написанные 2 мая 1819 г., для придуманной И. А. Крыловымъ шарады: „Баллада“, по случаю празднованія дня рожденія жены А. Н. Оленина, Елизаветы Марковны. Первые два стиха ея набросаны В. А. Жуковскимъ, а остальное дописано Пушкинымъ:

Что ты, дѣвица, грустна,
 Молча присмирѣла,
 Хороводъ забывъ, одна
 Въ уголку присѣла.
 „Имянинницу, друзья,
 „Нечѣмъ позабавить.
 „Думала въ балладѣ я
 „Щастье наше славить.
 „Но Жуковский нашъ заснулъ,
 „Гнѣдичъ заговѣлся,
 „Пушкинъ бѣсомъ ускользнулъ,
 „А Крыловъ обѣлся“.

* * *

Вотъ въ гостиной столъ накрытъ—
 Поскорѣ сядемъ,
 Въ рюмкахъ пѣна закипитъ,
 И балладу сладимъ:
 Вотъ и слажена она—
 Нужны-ли поэты?—
 Рюмки высушивъ до дна,
 Скажемъ: многи дѣты

Той, которую друзьямъ
 Въѣтъ любить неподно!
 Многи лѣты также намъ,
 Только съ ней нерозно.

Очень курьезны мимолетныя характеристики, которыя Пушкинъ даетъ себѣ и Крылову. Поэтъ самъ говоритъ о своей „бѣсовской“ живости и непосѣдливости, которыми такъ отличался онъ по выходѣ изъ лица. Обжорство Крылова всегда было предметомъ шутокъ его друзей. Батюшковъ въ своемъ „Видѣніи на берегахъ Леты“ рассказываетъ, какъ умершій Крыловъ, выдержавъ на берегу Леты благодаря своимъ баснямъ экзаменъ безсмертія, „пошелъ обѣдать прямо въ рай“.

Примѣчанія составляютъ большую часть книги и занимаютъ мѣста вдвое болѣе, чѣмъ текстъ. Отведены они главнымъ образомъ вариантамъ, извлеченнымъ изъ черновыхъ бумагъ поэта, которыхъ дошло до насъ немало. Нечего и говорить о важности изученія пушкинскихъ вариантовъ какъ съ психологической и эстетической стороны, такъ и съ филологической. Въ предисловіи справедливо замѣчено, что „передача наборомъ рукописи не можетъ исчерпать и закрѣпить всѣхъ ея особенностей и замѣнить собою передачу въ точныхъ снимкахъ, въ факсимиле“; тамъ же признано, что много словъ и мѣстъ не могли быть разобраны, многія разобраны предположительно, такъ что за точность транскрипціи редакторъ самъ не ручается; прибавимъ, что редакторъ не разъ могъ и ошибиться, что очень вѣроятно, если принять во вниманіе трудность чтенія пушкинскаго почерка до конца двадцатыхъ годовъ, особенно въ полустершихся черновикахъ, наскоро набросанныхъ карандашемъ. Транскрипцію эту только тогда можно было бы разсматривать какъ годный для научнаго пользованія матеріалъ, если бы она сопровождала фототипическое воспроизведеніе текста и помогала читателю самому разбираться въ вариантахъ, давая ему въ то же время возможность провѣрять точность передачи. Обозначеніе: *перзб.*, которое г. Якушкинъ ставитъ на мѣстахъ неразобранныхъ словъ, попадаетъ такъ часто, что остается пожалѣть, что редакторъ занимался этой работою одинъ; навѣрное, какъ это часто бываетъ, во многихъ случаяхъ другому удалось бы разобрать то, чего не могъ разобрать г. Якушкинъ, и при совмѣстной работѣ нѣсколькихъ сотрудниковъ показанія ихъ отличались бы болѣею достовѣрностью. Вотъ примѣръ, бросившійся намъ въ глаза! Въ одномъ

изъ черновиковъ „Кавказскаго Плѣнника“, воспроизведенномъ при 461 стр. примѣчаній, ясно читается:

Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать...

Буква „я“ въ словѣ „лобзаньямъ“ очень характерна для пушкинскаго почерка, и на этомъ же листкѣ можно убѣдиться, что Пушкинъ изобразилъ ее именно такъ, а не иначе. А въ транскрипціи г. Якушкина читаемъ (примѣч., стр. 462): „лобзаньемъ“. Яркій примѣръ не только невнимательности или неумѣлости г. Якушкина, но и очевидной бессмыслицы, неосторожно приписанной Пушкину. Съ передачей нѣкоторыхъ словъ, не вызвавшихъ никакихъ сомнѣній у г. Якушкина, трудно согласиться при сличеніи ихъ съ приложенными къ книгѣ (очень немногочисленными) снимками. Всѣ эти обстоятельства въ конецъ подрываютъ довѣріе къ произведенной г. Якушкинымъ работѣ по передачѣ вариантовъ и заставляютъ считать ее опасной и потому негодной для цѣлей научнаго изслѣдованія. Изслѣдованіе пушкинскихъ вариантовъ еще займетъ ученыхъ, которые подойдутъ къ нему коллегіально, съ большею осторожностью и болѣе выработанными критическими приѣмами, и всю работу, поднятую г. Якушкинымъ на свои плечи, придется передѣлывать сначала. Конечно, нельзя сомнѣваться, что многое сдѣлано г. Якушкинымъ совершенно правильно, но показанная возможность грубыхъ ошибокъ обезцѣниваетъ значеніе его труда.

Можно также спорить по вопросу о правописаніи тѣхъ пьесъ, которыя не дошли до насъ въ подлинникахъ. Всегда ли можно печатать ихъ такъ, какъ онѣ напечатаны впервые, и признавать авторитетною подчасъ очень неправильную, неустановленную орфографію старыхъ журналовъ и издателей давно минувшихъ дней? Да и можно ли здѣсь слѣдовать какому-нибудь предвзятому принципу? Не лучше ли въ каждомъ случаѣ разрѣшать вопросъ всякій разъ по-своему, сообразно обстоятельствамъ, которыя бывають такъ различны? Во всякомъ случаѣ увѣковѣчивать сомнительное правописаніе прежнихъ издателей и редакторовъ не слѣдуетъ; ужъ предпочтительнѣе модернизация текста согласно требованіямъ новѣйшей орфографіи.

Историко-литературныя, біографическія и критическія примѣчанія г. Якушкина весьма ничтожны, и книга много выиграла бы, если бы редакторъ совсѣмъ не печаталъ ихъ, ограничиваясь однимъ изслѣдованіемъ текста. Нѣсколько недурныхъ и не лишенныхъ обстоятельности замѣтокъ еще не могутъ составить тотъ сложный критическій

аппаратъ, котораго читатель въ правѣ требовать отъ академическаго изданія. Въ примѣчаніяхъ было бы вполне умѣстно привести отзывы критики о произведеніяхъ Пушкина, хотя бы въ извлеченіяхъ, въ бѣгломъ обзорѣ, и жаль, что г. Якушкинъ не счелъ этого своей задачей. Психологическій генезисъ пушкинскихъ твореній, зависимость ихъ отъ произведеній другихъ писателей, подражательный элементъ въ нихъ нисколько не заинтересовали г. Якушкина. Съ этимъ можно было бы примириться, если бы онъ не дѣлалъ то тамъ, то сямъ попытокъ „философствовать“, не вставляя произвольныхъ и ненужныхъ собственныхъ соображеній, въ родѣ того, что стихи къ Е. М. Олениной, (цитированные выше), *могли быть* написаны „не въ Петербургѣ, а въ имѣніи Олениныхъ“, хотя изъ самой пьесы не видно, гдѣ она была написана; или, что, „*быть можетъ*“, пьеса „Въ альбомъ Е. Я. Сосницкой“ „имѣла отношеніе къ бенефису Сосницкихъ“, чего тоже изъ данной пьесы не видно. Курьезна одна хитрая тирада г. Якушкина (примѣч., стр. 295): „при извѣстномъ постоянномъ свойствѣ пушкинской поэзіи—ея *правдивости, невыдуманности* (sic), можно думать, что вопросъ Зоила-предателя (въ III пѣснѣ „Руслана и Людмилы“), зачѣмъ Русланову супругу поэтъ зоветъ и дѣвой и княжной, былъ дѣйствительно сдѣланъ кѣмъ-нибудь изъ числа пріятелей, прослушавшихъ поэму до ея напечатанія“. Къ гипотезѣ слѣдуетъ прибѣгать только тогда, когда съ ея помощью можно что-нибудь разъяснить, и притомъ она сама должна быть чѣмъ-нибудь подтверждаема. Для чего понадобилась г. Якушкину такая „гипотеза“, неизвѣстно; равно неизвѣстно, какъ онъ на нее набрелъ. Что же касается до смѣшенія художественной правды съ отсутствіемъ поэтическаго вымысла, то это такой перлъ критическаго пониманія, дальше котораго некуда идти комментатору Пушкина. Двустипіе „Аптеку позабудь ты для вѣнковъ лавровыхъ“... г. Якушкинъ (примѣч., стр. 335—336) потому отказывается отнести къ врачу Рудыковскому, что „во-первыхъ, у насъ нѣтъ указаній на литературныя занятія Рудыковскаго; во-вторыхъ, нѣтъ основаній приписывать Пушкину насмѣшку надъ врачомъ, который его вылечилъ“. Второе соображеніе такъ глубоко-мысленно, что возражать на него не приходится; что же до перваго, то не можемъ не замѣтить, что, хотя г. Якушкину ничего неизвѣстно о литературныхъ занятіяхъ Рудыковскаго, тѣмъ не менѣе въ „Кіевской Старинѣ“ 1892, г. май, стр. 193—206, была напечатана статья В. Щербины о Е. П. Рудыковскомъ, а вирши этого врача-стихотворца были напечатаны въ томъ же журналѣ (1892 г., май, 207—

224; июнь, 363—398; июль, 55—84; 1894 г., июль, 115—122); въ одномъ стихотвореніи Рудыковскій вспоминалъ, какъ онъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ „воспѣвалъ“ Нарзанъ въ 1820 г.

Есть у г. Якушкина нѣсколько хронологическихъ ошибокъ и не точныхъ указаній. Очень груба ошибка относительно времени созданія знаменитой оды „Вольности“. Признавъ сперва и вполне основательно доказавъ, что ода относится къ 1819 г., г. Якушкинъ въ концѣ тома внезапно перенесъ ее въ 1817 г.; случилось это благодаря тому, что нашелся автографъ оды съ собственноручной датой Пушкина: „1817 г.“ Г. Якушкинъ повѣрилъ ошибку или опискѣ Пушкина. По всѣмъ историческимъ даннымъ (мысли о конституціи, упоминаніе объ Андрѣ Шенѣ, произведенія котораго появились только въ 1819 г.), по тому, что знаемъ о нравственномъ и политическомъ развитіи Пушкина, по свидѣтельствамъ современниковъ, оду, несмотря на пушкинскую датировку (конечно, позднѣйшую), слѣдуетъ безъ всякихъ колебаній отнести къ 1819 г., и г. Якушкинъ напрасно и неудачно пытался разбить приведенные имъ же самимъ правильные хронологическіе доводы. При всей точности Пушкина и ему случалось ошибаться и дѣлать описки въ датахъ; намъ пришлось посвятить особую замѣтку его невѣрнымъ хронологическимъ указаніямъ („Русскій Архивъ“ 1906 г., II, 636—638).

При всѣхъ отмѣченныхъ недочетахъ второй томъ академическаго изданія все-же производитъ хорошее впечатлѣніе. Далеко не удовлетворяя тѣмъ требованіямъ, какія можно предъявлять къ комментированному изданію, оно даетъ русскому человѣку возможность наслаждаться твореніями великаго національнаго поэта въ неискаженномъ видѣ, а это и есть то, чего столько лѣтъ ожидалъ русскій читатель. Какъ бы строго ни относились мы къ этому изданію, мы не можемъ не признать, что оно—лучшее у насъ.

Н. Лернеръ.

Отвѣтъ г. Истрину.

Въ февральской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ помѣщена статья г. Истрина „Изъ области древне-русской литературы“, гдѣ авторъ между прочимъ разбираетъ и начало моего изслѣдованія о Толковой Палѣѣ (стр. 225 — 241). Какъ тонъ этой статьи, такъ и критическіе ея приемы заставляютъ меня выступить печатно съ отвѣтомъ г. Истрину; къ сожалѣнію, не-